

18+

Мадринья ду Пекаду
*Семь ран Христовых на теле
кармелитки*

Мадринья Пекаду

**Семь ран Христовых
на теле кармелитки**

«Издательские решения»

Пекаду М. д.

Семь ран Христовых на теле кармелитки / М. д. Пекаду —
«Издательские решения»,

Тайна любви кармелитки и тайна креста, как символа, открываются
на страницах романа в ходе не совсем обычного расследования.

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	18
Глава VII	22
Глава VIII	26
Глава IX	30
Глава X	33
Глава XI	36
Глава XII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Семь ран Христовых на теле кармелитки

Мадринья ду Пекаду

Мадринья ду Пекаду выражает огромную благодарность всем, кто поддерживал автора в пространственно-временном путешествии, и отдельно благодарит самого первого читателя

Редактор Татьяна Полуэктова

Корректор Мария Ильинична

Иллюстрация на обложке Мадринья ду Пекаду

© Мадринья ду Пекаду, 2026

ISBN 978-5-0051-7947-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

— Ты, вообще, подарки, которые тебе дарят, рассматриваешь или кладёшь на полку и забываешь?

Зэ, разложив на столе карту автомобильных дорог Португалии, обернулся на голос Татьяны.

— Ты про книгу? Так, стихи на португальском языке. Я недостаточно силен, чтобы понимать тонкости лирики.

— Но ты даже не просмотрел её!

— Зачем её просматривать, если ничего не понимаешь?

— Напрасно, напрасно, молодой человек! — в Татьяне проснулась учительница начальных классов. — Лишних знаний не бывает. В книге, между прочим, секрет имеется!

— Какой секрет? — удивился Зэ.

— Тут кое-что вложено, — Татьяна вытащила из середины книги тёмно-синий конверт с эмблемой в виде розы. Конверт лежал в углублении, похожем на прямоугольник, вырезанный в нескольких страницах в середине книги. Из конверта она вынула два листа и пластиковую карточку. Зэ встал у Татьяны за спиной, чтобы вместе прочитать письмо:

Дорогие сеньора Татьяна и сеньор Зэ! Переводом стихотворения Алсипе (литературный псевдоним Маркизы Леоноры де Алорна) я хотел поблагодарить Вас за участие в общем деле нашего круга. Книга её стихов — мой подарок на память.

На этом я собирался с Вами попрощаться, выразив свое огромное желание когда-нибудь принять таких замечательных людей в моём замке семьи Фронтейра в Лиссабоне, но многоуважаемый сеньор Падрињу Пробка мимоходом и витиевато произнёс фразу, заставившую меня передумать. Он сказал: «Озарённому светом дано пройти сквозь века, а доброму сердцу легко найти сокровище от глаз».

Я понял, что он имел в виду Вас, и не удивился: непонятен был намёк на «сокровище от глаз» и для чего нужно было идти «сквозь века»? Я спросил его об этом. Он ответил вопросом на вопрос:

— Вы знаете, что Алсипе хотела дать другое название циклу своих стихотворений? Она думала назвать сборник произведений «Ключи».

— Нет, не знал, — ответил я.

— Ключами можно открывать навесные замки или двери во «Внутреннем замке», — закончил он, поставив своим разъяснением нормального человека в тупик, и с чувством выполненного долга удалился.

После такой подсказки через некоторое время я сообразил, что Падрињу Пробка говорит о другой женщине, жившей несколько столетий назад, — Терезе Авильской, фундаментальное произведение которой так и называлось — «Внутренний замок». Не касаясь теологических изысканий, к которым, как человек, исповедующий здоровый практицизм, я всегда относился прохладно, должен сказать о главном.

В Кордобе Тереза Авильская получила от епископа фрагмент Креста, на котором был распят Спаситель.

Ценность артефакта была настолько велика, что в Испании за право хранить реликвию у себя боролись все без исключения монашеские ордена и даже королевская семья. Торквемада, который к тому времени уже был дряхлым стариком, считал, что сокровище должно быть у инквизиторов, а Игнатий Лойолла требовал, чтобы в разрешении Римского Папы об основании Ордена было отдельным пунктом внесено «Положение о передаче великой святыни иезуитам».

Исключительная святость почерневшего куска кедра определяется тем, что именно эта часть дерева соприкасалась со стопами Сына Божьего и, соответственно, была окроплена его кровью в тот момент, когда их пробили гвоздями.

Святая Тереза никому не отдала драгоценность. Даже верный сподвижник по ордену кармелитов Иоан де ла Круз, скрасивший её жизнь на склоне лет, не знал, где монахиня её спрятала, также, как у него не было ответа на вопрос, за что она её получила.

Вы говорили, Зэ, что у русских и португальцев была общая история доцерковного периода, что стало причиной схожих сюжетов в фольклоре. Но у нас на протяжении тысячи лет была и общая христианская история. Крест, на котором был распят Спаситель, — единый для католиков и православных.

Понимаю, что моё предложение может не соответствовать Вашим личным убеждениям, но представителям ортодоксальной церкви в Москве оно не может не понравиться.

Если Вы найдёте кусок дерева из Креста, на котором был распят Иисус, мы поделим его следующим образом: половина останется в Португалии, другую Вы увезёте в Россию. Для оплаты любых расходов в экспедиции можете пользоваться корпоративной картой Фонда имени Маркизы де Алорны (её пин-код Вам хорошо известен, но напомним: «7342»).

Даже если Вы ничего не найдёте, Фонд не будет требовать потраченные деньги обратно, считая, что они израсходованы на очередной инвестиционный проект, который не окупился.

Сам, к сожалению, не смогу принять участие в поисках: испанские коллеги пристально наблюдают за любыми появлениями на их территории португальских эмиссаров по причине давней вражды, омрачающей не только отношения между нашими ложжами, но и нашими странами.

Вырезанные из книги страницы я возвращаю Вам в виде перевода.

Может, он не совсем удался с точки зрения поэтической формы, но содержание передано точно. Да поможет Вам Святая Урсула понять больше, чем понял я!

Искренне Ваш, сеньор Жуау Гилермо Фонсека де Фронтейра.

— Что ты по поводу всего этого думаешь? — спросила Татьяна.

— Думаю, — ответил Зэ, — что с чувством юмора у маркиза всё в порядке. Для пин-кода выбраны цифры, постоянно преследующие нас. Мы о них говорили до поездки в Португалию, встретились с ними в замке, выяснили, что они соответствуют году начала вендетты против Александра Сергеевича, и теперь каждый раз при покупке или оплате услуг нужно будет вводить «7342».

— По моему мнению, всё логично и удобно. Если пользователь забудет комбинацию, ему достаточно вспомнить год Болдинской осени в жизни Пушкина по старому летоисчислению.

— Хорошо. А как ты думаешь, с вырезанными страницами он не намудрил? Почему нельзя было просто вложить конверт между страницами?

— Если бы мы не нашли послание, маркиз увидел бы в этом Промысел Божий: мол, Святая Урсула охранила от авантюры.

— Не уверен, что человек, ссылающийся на здоровый практицизм, согласился бы долго пребывать в неопределённости: нашли мы конверт — не нашли или, например, нашли, прочитали, но в поисках решили не участвовать, — засомневался Зэ.

— Ну зачем же пребывать в неопределённости? — возразила Татьяна. — Первая же операция по карте показала бы ему, что мы приняли решение поучаствовать в поисках.

— Как? Мы уже приняли такое решение? — Зэ посмотрел на Татьяну, постаравшись придать выражению своего лица вид непроходимой наивности.

— Конечно! У нас две недели каникул, безлимитная корпоративная карточка и возможность прикоснуться к тайне! Да, чуть не забыла — уникальная возможность прокатиться по Испании.

— А насчёт секрета в книге, — рассуждал Зэ, — неважно, в книге или не в книге, — он для человека сродни магниту для железных опилок. Притягивает к себе так, что оторваться невозможно. Ты находишь углубление, сделанное искусственным образом. Тебе любопытно, ты думаешь: «Какая такая загадка здесь прячется?», а в душе уже готов к тому, чтобы взять ответственность за тайну на себя, потому что ты её обнаружил первым. Это твоё. Твоё по праву того пещерного человека, который первым нашёл съедобный корень или слабое животное, не способное спастись бегством и потому приговорённое стать обедом. В конверте — вежливое письмо с предложением отправиться в путь. Если бы тебе просто предложили, допустим, в ходе разговора вежливо, без нажима, ты бы ещё подумал: соглашаться или нет. Дорога длинная, трудности разные, да ну её, эту загадку! Никто четырёхста лет о ней не вспоминал, пускай ещё побудет в забвении. А так — письмо в руках, тайна почти твоя. Как можно от такого отказаться? Поэтому ставлю маркизу ещё один плюс за нетривиальную подачу предложения, на которое мы согласились.

— Ты почти меня уговорил, — Татьяна, подражая выражению его лица, хлопала глазами, придавая им такое же невинное выражение. — Перевод читать будем?

— Читай. От поиска дерева, как видишь, нам не отвертеться, так почему бы на дорожку не насладиться лирикой?

*Сны мои, нежные сны,
Вы реальнее жизни моей —
За границей зыбкой черты
Жизни вкус и острей, и сильней.
А любовь, что приходит во снах,
Лечит сердце (ведь сердце болит).
Но, о ужас, лечебный бальзам
На груди моей маслом лежит.
Снилось мне, что ты, мой властелин,
Этой ночью позвал в тишину
И на мягком лугу у осин
Убаюкал под песню свою.
«Спи, Алсипе, — пел твой баритон.
— Я возьму все заботы твои,
У любви твоей новый хитон,
Не должна ты бояться судьбы».
Сон во сне был реальнее сна:
Подхожу к золотому дворцу,
Слуги ключ мне дают, говоря,
Что себя тем ключом отпущу.
Ключ волшебный в руке я держу.
Что он может собою открыть?
Если меньше того, что хочу,
То не стоит замок теревить.
«Открывай же, Алсипе, вперёд!» —
Слышу Бога, воззвал он ко мне.
Я открыла... Проснулась и вот —
Оказалась в сегодняшнем дне...*

Глава II

в которой рассказывается о том, как Господь прибывал солнце на небо, звонарь совершил неудачный полёт, а одни ворота и два столба оставили кучера без ужина

Когда Господь создавал солнце, он решил прикрепить его над Толедо. Жители этого славного города уверены в этом, потому что каждый божий день небесное светило испепеляет крыши их домов, бронзовые тела и остатки растительности в закрытых двориках.

Но жители Кордобы знают больше. Когда Господь создал солнце и пытался прикрепить его над Толедо, гвоздь, который он вбивал, погнулся. Пытаясь загнать непослушного упрямца по шляпку, Господь непроизвольно сдвинул солнечный диск, который и оказался прямо над Кордобой.

Жители Толедо по-прежнему утверждают, что Верховный Творец поместил источник тепла и света над их городом. С ними никто не спорит: монополия на солнце никого не интересует.

Жители же Кордобы смиренно изнемогают под лучами, аккуратно палящими из зенита и поджаривающими всё живое и неживое. Особенно расходится жара к полудню, когда даже камни мостовых превращаются в камни печей для выплавки металла. Спасения нет ни в узких улочках городских кварталов, ни в тенистых садах поместий богачей. Бедняки задыхаются в известняковых мешках своих жилищ, а толстосумы — в закрытых патио около бассейнов и фонтанов с водой, которая сродни слегка остывшему кипятку.

Единственный человек в городе, который не страдает от жары, — и про это знают все кордобцы, — это звонарь на колокольне церкви Святого Августина. Не желая иметь ничего общего с изнемогающей от жары поверхностью, он устроил своё нехитрое пристанище на самом верху колокольни, где свежий ветер обдувает его немывтое тело.

Педро — так звали звонаря — проводил всё свободное от службы время там же, где, собственно, и была его служба, то есть у колоколов, позволяя себе, подобно любопытному бессмертному богу, спускаться с небес на грешную землю только тогда, когда приходила благодатная прохлада. Во время снисхождения к смертным он заказывал миску варёных бобов, в праздничные дни даже с куском свинины или говядины, в таверне «Глаз Бога», принадлежавшей сеньору Кривоглазу.

В то летнее утро девятнадцатого года правления короля Карла I солнце только начинало разводиться адское пламя под своим котлом, как Педро, по обыкновению пребывая в лёгком блаженстве, свесил ноги с площадки своей звонницы и насвистывал только ему одному известные мелодии.

Он безмятежно осматривал близлежащие окрестности, как вдруг заметил какое-то движение за крепостной стеной. Поднимая пыль у главных ворот, полз экипаж, запряжённый двумя лошадьми неопределённой или неразличимой с такого расстояния масти. Педро напряг глаза и обнаружил, что конструкция экипажа ему незнакома. Это была карета, однако непропорционально больших размеров, напоминающая охотничий домик на колёсах.

Педро приготовился рассмотреть конструкцию получше, когда она будет проезжать через городские ворота, однако время шло, а улица, на которой должна была показаться необычная повозка, оставалась пустынной. Это показалось ему странным.

Устав ждать появления экипажа, Педро решил, что это дело достойно того, чтобы он спустился с небес и почтил своим вниманием диковинку. Попытавшись встать, он, подтянувшись на перилах, услышал, что разошедшееся дерево с треском ломается. Тут же он почувствовал воздействие неведомой силы, неумолимо потянувшей его вниз. Педро негромко вскрикнул и отправился в недолгий полёт к той самой грешной земле, которую так не любил из-за

отсутствия ветра и прохлады. К счастью, надо заметить, он не разбился, а изрядно ушибся и сломал ногу и рёбра, упав на черепицу, покрывавшую крышу хибары, скромно приютившейся у колокольни.

На шум прибежал настоятель церкви Святого Августина падре Альфонсо, который, несмотря на внешний вид добряка, был человеком настойчивым и решительным. Он мужественно преодолел трудности поиска лестницы и ещё большие трудности в деле пробуждения послушников, тем самым зарекомендовав себя также в качестве человека, безжалостного к чужому отдыху. Разбуженные и недовольные послушники сняли с крыши охающего звонаря.

Педро был доставлен на кровать, где ему были наложены повязки на ободранные места. Местный костоправ пояснил, что со сломанными ребрами бегать на колокольню неразумно, и, чтобы не было никаких попыток обойти врачебное предписание, крепко примотал две доски к сломанной ноге.

Пока происходили все эти события, странный экипаж стоял у городских ворот, которые в это время ещё не открылись. Городской сторож не сильно утомлял себя соблюдением порядка, если это не был базарный день или его заранее не известили о приезде очередной важной персоны.

Из окна кареты показалась голова и послышался недовольный голос, вопрошавший возницу о причине задержки. Эта голова принадлежала молодой девушке с болезненным лицом и густыми чёрными волосами.

Хозяйка экипажа пропустила мимо ушей объяснение кучера, ссылавшегося на то, что ворота закрыты и не видно никого, кто бы мог ответить, когда они откроются. Особа чуть повысила голос и начала заново объяснять бестолковому слуге то, что уже много раз он слышал на остановках: что госпожа должна попасть на утреннюю службу в церковь именно сегодня, что служба начнётся, как только колокол пробьет три раза, а они сильно задержались на последней остановке и так далее, и так далее.

Кучер нехотя спустился с козел и, направляясь к воротам, громко сказал:

— Да-да, донья Тереза. Я сделаю всё, что желает донья, но если ворота закрыты на ключ, которого у меня нет, то открыть их я не смогу.

Он демонстративно постучал несколько раз в окошко в воротах и, обернувшись к карете, беспомощно развёл руками. Его жест не остался незамеченным.

— Иди и найди сторожа! — прокричала ему Тереза, так как кучер не спешил возвращаться к экипажу. — И поторапливайся, иначе останешься без ужина!

— Как же! — чуть слышно пробурчал ленивый увалень, но покорно направился вдоль стены. Ему удалось в скором времени найти пролом, достаточный, чтобы переместить своё упитанное тело за пределы стены. Первая же старуха, в дверь которой он упёрся, указала ему на дом сторожа.

Сторож оказался плотным бородатым блондином с крепко посаженной головой. Он с достоинством, которая приличествует не меньше, чем графу или герцогу, надел перевязь, на которой крепился массивный ключ, и отправился к воротам. На это ответственное дело он потратил приличных полчаса.

Затем сторож, оставив ворота открытыми, направился домой, попутно ругая начальника стражи, не заботившегося о регулярной проверке караулов. По этой причине стражники, которым вменялось всю ночь находиться у главных ворот, разбредались по тавернам и вдовушкам.

Кованые подковы застучали по каменным мостовым Кордобы, и карета Терезы приблизилась к мосту через Гвадалквивир, построенному ещё в римскую эпоху. За мостом начиналась старинная часть города.

Однако звёзды Терезы в тот день имели совсем неважное расположение, поэтому приключения путешественников не закончились. При попытке въехать на мост карета упёрлась выносными балками, поддерживающими основную часть кузова, в каменные столбы на въезде.

Кучер, осмотрев препятствия, пришёл к выводу, что без указания хозяйки он не сможет найти правильное решение, поэтому отправился к ней на переговоры.

— Донья Тереза, — сказал он, — к сожалению, наш экипаж не может въехать на мост.

— Что же нужно сделать, чтобы он въехал на мост? — Тереза сперва даже удивилась такой постановке вопроса.

— Нужно сточить по три дедоса¹ камня у двух столбов на въезде или по три дедоса обрезать у четырех концов опорных балок.

— Какое же средство ты считаешь нужным применить в нашем положении?

Кучер выпятил грудь, гордый тем, что спрашивают его совета, и учтиво ответил:

— Конечно, нужно долбить столбы, потому что работы здесь на шесть дедос. А если пилить балки, то работы вдвое больше — на двенадцать дедос.

— Других предложений у тебя нет?

Кучер со вздохом посмотрел в сторону таверны, которую они только что проехали и откуда, несмотря на ранний час, доносился аромат свежеспечённого хлеба.

— Госпожа со спутницами могла бы отправиться пешком до церкви, а я бы с лошадьми подождал вас здесь.

— О, мой Сеньор! — воскликнула Тереза, подняв к небу глаза. — Надеюсь, что, посылая мне таких слуг, ты заранее знаешь о границах моего терпения!

Затем, строго посмотрев на кучера, она железным тоном добавила:

— В сотый раз тебе объясняю, что я и мои две спутницы дали обет не касаться своими стопами земли Испании, пока мы не доберемся до церкви в Кордобе. И я сдержу данное слово. Прямо из кареты я поставлю свою стопу на ступеньку перед входом в церковь Святой Марины, названной в честь святой, которая чудесным образом спаслась из пасти дракона. А ты немедленно отправишься на поиски плотника, потому что пилить балки быстрее и меньше работы, чем долбить камень. Я уже молчу о том, что можно отпилить по шесть дедос с одной стороны, а не по три с двух сторон, чтобы карета могла продолжить свой путь. А чтобы желудок не мешал твоей голове практиковаться в алгебре, я распоряжусь, чтобы на ужин накормили только лошадей, а не тебя!

¹ Дедос — единица длины в Испании (приблизительно 1,74 см) и Португалии (приблизительно 1,83 см).

Глава III

— Чем хороша дорога? В дороге можно приятно побеседовать, дать мыслям растечься по древу и даже отдохнуть, — с философской ноткой произнёс Зэ, ведя машину на север по гладкому шоссе.

— Согласна, — отозвалась Татьяна, которая думала, что удастся вздремнуть, но слова Зэ прогнали сон. — Ты вчера весь вечер просидел в интернете. Что-нибудь интересное нашёл? Что ты вообще думаешь об истории с реликвией?

— Если говорить о месте поиска, то это практически вся Испания. Задача была бы проще, будь Тереза Авильская домоседкой. Отнюдь. Будучи великой путешественницей, она исколесила по Испании тысячи километров, хорошо, что ещё в Новый Свет не плавала. Одних монастырей основала несколько десятков. Принимала приглашения влиятельных лиц пожить вместе со своими монахинями у какого-нибудь герцога или гранда, потом оттуда перемещалась в другой городок и так без конца.

— И где же она нашла последний приют?

— В небольшом городке, что в сорока километрах от Саламанки. Мы, кстати, через Саламанку будем проезжать. После музея можем заехать приложиться к мощам.

— Какого музея?

— Масонского музея.

— В Саламанке есть музей масонов?

— Да. Генерал Франко, разобравшись с масонскими ложами с солдатской прямоотой и чисто испанской горячностью, дал команду свезти все конфискованные у масонов предметы культа в одно место. Так в Саламанке появился музей истории и Гражданской войны.

— А зачем нам музей масонов? Во времена Терезы Авильской масонов ещё не было.

— Некоторые предметы достались масонам от тамплиеров. А тамплиеры — это как раз те, кто тащил в Европу из Святой земли всё, что только можно было вывезти.

— Ты думаешь, что часть Креста привезли в Кордобу тамплиеры?

— Или они, или какой-нибудь рыцарь-крестоносец из знатного семейства этого города. Затем реликвия хранилась в семейных сундуках, пока не попала к епископу.

— Ты так рассказываешь, как будто точно знаешь, что так оно и было.

— Множество похожих историй наполняют раннее Средневековье. Мне не дает покоя другой вопрос.

— Какой?

— За что убеленный сединами епископ, а ему тогда было почти под пятьдесят, выдавший многое в жизни и обладающий практически безграничной церковной властью в своём округе, дарит двадцатилетней монахине, не сделавшей ничего ни для церкви, ни даже для собственного ордена, такое сокровище?

— А ты не догадываешься? — развеселилась Татьяна. — Какая здесь может быть причина?

— Честно, ума не приложу. И какая?

— Любовь, конечно!

Зэ рассмеялся.

— Пожертвовать самым дорогим во имя любви — это постулат из женского мира. Характерный традиционный подход у Евы и её многочисленных дочерей к решению возникающих проблем. Мужская часть населения не способна пожертвовать всем во имя любви. Мы — существа приземлённые. Если у нас что-то выпрашивают, мы, конечно, отдадим — даже любимую удочку. Если нужно позаботиться — позаботимся. Можем хомячка покормить и за хлебушком сходить. Желательно, чтобы нам про это напомнили, а ещё лучше — подсказали, как правильно

сделать. Не думаю, что Тереза выпросила кусок дерева у епископа, даже если предположить, что она была ему симпатична. Человек на церковной должности может, наверное, легко расстаться с мирскими объектами, а вот с религиозными вещами он не расстался бы никогда, потому что в силу своего сана и положения придает им особое сакральное значение.

— Я бы поспорила по поводу женской жертвенности, за которой обычно прячется обыкновенный расчёт, но не буду. Так же как не буду приводить примеры, когда люди на церковных должностях нелегко расставались с вполне мирскими вещами. А если предположить, что молодая монахиня выпросила этот предмет, несмотря на сакральное значение?

— Тогда смысла не было его прятать. По обычаю, укоренившемуся среди европейцев, завладев артефактом, его нужно было положить в золотой сундучок, вмонтировать его в подножие алтаря и объявить этот храм главным среди монастырских храмов ордена или построить на этом месте новый собор. Так как этого не произошло, значит, обстоятельства передачи экспоната... Нет, «экспонат» — слишком вычурно, давай лучше будем называть это «раритетом» — так вот, обстоятельства передачи раритета в руки двадцатилетней монахини иные...

— Кстати, про сундучок, — продолжила мысль Татьяна. — Он большой? Я имею в виду по размеру? Какой толщины был крест, на котором распяли Христа? Насколько большой по объёму этот кусок дерева?

Ээ задумался. Бревно толщиной восемь-десять сантиметров способно выдержать вес взрослого человека. На праздничных спектаклях религиозного содержания в Испании и Италии добровольца привязывают к кресту диаметром пятнадцать-двадцать сантиметров. Какие кресты использовали в Иудее — римской провинции — две тысячи лет назад? Нужно будет внести ясность в этот вопрос, иначе непонятно, как выглядит тот предмет, который они намерены отыскать.

— По поводу крестов будем уточнять. Про самого епископа Кордобы скудно написано: «Хуан Альварес де Толедо из ордена доминиканцев. Для своего времени считался либералом, в университете Сантьяго-де-Компастело ратовал за отдельное преподавание, как бы сейчас сказали, научных исследований и религиозных практик. Затем был епископом в Кордобе, в Бургосе, потом ещё где-то. Вырос до кардинала, рассматривался в качестве кандидата на место Папы Римского». В принципе, ничего необычного, потому что родом монсеньор Хуан был из знатной семьи: отец Фадрике Альварес де Толедо — второй герцог Альба, а брат — маркиз де Вилла-Франка — наместник Неаполя. В Кордобе Хуан Альварес жил в епископском дворце, построенном после изгнания арабов из города. Дом епископа находится рядом с известной туристической достопримечательностью — Кордобской соборной мечетью, где колонны в полосу: редкая красота и совершенные архитектурные формы.

Глава IV

в которой рассказывается о том, как Тереза упала в обморок и неожиданно для себя стала невестой

Поднявшееся достаточно высоко солнце превратило низину у моста в римские бани: за счёт тяжелой влажности воздуха духота в карете казалась нестерпимой. Спутницы Терезы постоянно обмахивались веерами, отчего потоки воздуха нагревались ещё больше.

Тереза переживала. Она не находила себе места. Ей казалось, что все стоворились и делают всё специально медленно, чтобы позлить её. Кучер нехотя искал плотника, плотник долго собирался, затем начал пилить, но отпилил меньше, чем нужно было, и ту же балку принялся пилить по второму разу.

Кучер, уставший от наставлений, отпряг лошадей и отправился поить их к реке.

Судя по тому, что его не было битый час, он явно не собирался попадаться на глаза хозяйке. Если плотник закончит свою работу, то они потеряют время, пока будут запрягать лошадей. Лучше, чтобы лошади стояли наготове.

Тереза даже пыталась успокоиться в молитве, но суетливость и хаотичность мыслей не позволили ей сосредоточиться.

«Это всё дьявол, — думала монахиня. — Сейчас он силён, а я слаба. Придётся согласиться с порядком вещей, изменить который не в моей власти».

Неожиданно у Терезы потемнело в глазах. Она качнулась, затем обмякла и потеряла сознание. Спутницы переполошились.

— Помогите! — закричала одна, высунувшись в окно. Вторая начала старательно смачивать водой из кувшина лоб и щёки упавшей в обморок.

Плотник, производивший равномерный шум тупой пилой, не обратил на крик никакого внимания.

— Помогите! — во второй раз крикнула девушка.

В этот момент перед каретой появился коренастый молодой человек с широким лицом и выступающими скулами. Карие глаза его блестели, смуглость кожи и сельский загар выдавали в нём простолюдина. Он отворил дверь кареты и, увидев Терезу без сознания, поднял её на руки и быстрым шагом отправился под мост, где осторожно опустил обмякшее тело на подстилку из соломы, служившей постелью всем, у кого не было денег на комнату в гостинице.

Спутницы Терезы оторопели, но после небольшой паузы заверещали, как стая перепуганных соек. Они так же, как и Тереза, дали обет не ступать на грешную землю, пока не доберутся до церкви Святой Марины, поэтому пребывали в неуверенности: следует ли бежать за похитителем, который унёс госпожу, или остаться на месте в карете, выполняя волю похищенной.

Под мостом было прохладно, утренняя жара ещё не дошла сюда, а воды реки, протекая под сводами, казались даже холодными.

Достав из соломы бутыль, сделанную из сушёной тыквы, юноша открыл пробку и поднёс сосуд девушке. Резкий запах вина, до этого долго хранившегося в бурдюке из свиной кожи и проданного по бросовой цене, привёл Терезу в чувство. Она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Первыми её словами были:

— Мой Сеньор, мои ноги! Они не должны коснуться земли.

Юноша, не раздумывая, сел рядом с девушкой на солому и аккуратно переместил ноги Терезы себе на колени.

Непонятно, чего было больше во взгляде монахини, удивления или благодарности. Так или иначе, она продолжала сидеть, не предпринимая попыток изменить своё положение.

— Вам уже лучше? — спросил молодой человек. — Если Ваша честь захочет обратиться ко мне по имени, может называть меня Хесусом.

— Хесус, меня зовут Тереза, Тереза из Авилы. Как я оказалась здесь? — осматриваясь по сторонам, спросила девушка.

— Я отпустил всех своих слуг и пребывал в полном одиночестве в собственном дворце, как вдруг услышал крики о помощи. Выбежав наверх, я увидел, что одной прекрасной девушке стало плохо из-за того, что воздух в карете нагрелся сильнее, чем сковородки в преисподней. Я взял на себя смелость пригласить прекрасную незнакомку во дворец, где есть возможность насладиться приятной прохладой, исходящей от фонтана.

— Дворец? Фонтан? Где всё это? Я сплю?

— Смотрите, — отозвался Хесус, показывая сначала на своды моста, потом на реку. — Вот потолок дворца изящной архитектурной формы, построенный, кстати, ещё во времена кесаря Траяна, а это — центральный фонтан, вода в котором никогда не заканчивается.

— А слуги? — спросила Тереза, подозрительно поглядывая на охапки соломы, неравномерными кучками разбросанные вокруг.

— Слуг я отпустил. Они сегодня проснулись рано в надежде занять удобные места на паперти церкви Святой Марины, где ожидают снять богатую жатву в праздник нашей Девы Марии.

— Праздник Успения Богородицы? Я должна быть в церкви к началу службы!

— Колокол ещё не звонил. Я могу проводить Вас туда, моя госпожа.

— Я дала обет сделать первый шаг, ступив на паперть у церкви Святой Марины.

— Ничего сложного. Я донесу Вас до места, если мне будет дозволено сделать это.

— Нет, верните меня в карету. Мне уже лучше.

— Воля госпожи для меня закон.

— А почему вы сами не ушли к церкви, как остальные ваши... друзья... м-м-м... слуги?

— В Кордобе я остановился по пути. Я направлялся в Уэльву, чтобы сесть на корабль и отправиться в Западную Индию.

— У вас есть собственный корабль?

— Думаю, да. Корабль же сделан из дерева. Если я плотник, то всё дерево на корабле принадлежит мне, значит, корабль мой.

— Вы ещё и плотник? Несите меня быстрее к карете!

Хесус подхватил Терезу на руки, как пушинку, и, широко шагая, стал легко подниматься по склону.

— Вы так привычно несёте меня на руках, как будто делаете обычное дело. Достойная вас невеста оценила бы такие способности, — сказала Тереза и тут же пожалела о нечаянно вырвавшихся словах.

— А Вы и есть та невеста, которая достойна меня, просто я не успел вам об этом сообщить, — спокойно ответил Хесус и тут же, отвлекшись от дороги, споткнулся и чуть не упал.

Тереза покраснела:

— Осторожнее, Хесус. Еще не получив согласие невесты на титул, Вы уже пытаетесь меня уронить вместе с моими достоинствами.

Теперь пришла очередь краснеть «жениху».

— Сестра! — воскликнули перепуганные монахини, когда увидели, как Хесус возвращает похищенную госпожу.

— Это второй плотник, вдвоём они быстрее справятся с работой. Эй, бездельник! — обратилась Тереза к рабочему.

— Я не бездельник, Ваша милость, меня зовут Пепито!

— Хорошо, Пепито, выдай этому парню инструмент, иначе ты будешь мучить деревяшку до второго пришествия.

Глава V

В музей Саламанки они попали перед самым закрытием. Посетителей не было. Зэ и Татьяна ходили по пустым залам, вполголоса обмениваясь впечатлениями от увиденного. Аудиогид на русском языке, приобретённый в кассе за дополнительную плату, при считывании QR-кода приятным женским голосом рассказывал об экспозиции.

Плакаты времен Гражданской войны содержали мощнейший энергетический импульс.

Красный зал потряс предметами, использовавшимися масонами в ритуальных действиях: чёрные плащи со сплошными капюшонами с вырезами для глаз, опознавательные символы...

Вдруг Татьяна замерла около пожелтевшего листка. Надпись на испанском и английском языках гласила, что перед посетителем музея находится оригинал Устава ордена тамплиеров, составленный Уго де Пейном.

— Зэ, тебе ничего не кажется странным? — спросила Татьяна, не отводя взгляд от пожелтевшего манускрипта.

— А что такое? — отозвался Зэ.

— Устав ордена тамплиеров, созданный его основателем, шампанским рыцарем Уго де Пейном, написан не на французском, а, судя по закорючкам, на одном из восточных языков.

— На арабском... устав написан на арабском, — с видом знатока сообщил Зэ.

— Но почему?

— А на каком языке писарь, к которому обратился рыцарь Уго де Пейн, должен был написать Устав для международной, скажем так, организации? На французском? Так французского языка тогда не было, был старофранцузский, распространённый, кстати, не везде, а только в Провансе. Испанского тоже ещё не было. Было кастильское наречие, одно из многих в провинции Гишпании, и, уж если на то пошло, не самое мелодичное. На мирандельском? Но язык трубадуров и литературной элиты раннего Средневековья не подходил для документа ордена бедных рыцарей, многие из которых и читать-то толком не умели. Арабский язык был средством общения, если вспомнить, что половина Европы была частью Арабского халифата и разговаривала, естественно, на арабском. Врачи, математики, архитекторы и астрологи учились по арабским трактатам. Купцы вели торговлю в Северной Африке и Ближнем Востоке, используя арабский в качестве языка межнационального общения. Даже евреи-менялы и ювелиры использовали арабские меры весов. Говоря о Реконкисте², мы вспоминаем о всплеске христианского самосознания, о твёрдости испанских королей Арагона и Кастильи, но совершенно забываем о том, что люди пятьсот лет жили по арабским обычаям, то есть ходили в мечети, разговаривали и писали по-арабски. Женщины носили накидки, которые должны были скрывать лицо. Не паранджа, конечно, но что-то похожее. Затем эти предметы одежды трансформировались в мантильи и вуали. Богатые обустраивали свои дома с восточной роскошью: ковры, занавеси, тонкие ткани, золотая и серебряная посуда, источники воды в усадьбах и домашние фонтаны. Я далёк от мысли, что дворец визиря средней руки в Багдаде отличался по убранству от замка правителя в Севильи. Выдавливание чуждого арабского элемента произойдёт позже и не сразу. Даже после того, как арабов и евреев изгнали из Испании, традиции долгое время оставались на плаву, пока католическая церковь с ними окончательно не расправилась. Поэтому, как это парадоксально ни звучит, но Устав ордена рыцарей Христа, созданный для того, чтобы отобрать Святую землю у арабов, был написан на арабском языке.

² Реконкиста — борьба испанских и португальского королевств за освобождение земель Пиренейского полуострова от мусульман.

— Забавно! А это что рядом за шкатулка? На табличке пометка: «Работа мастера шестнадцатого века. Серебро, слоновая кость, пенга». Пенга — это вроде нашей сосны... Изображена гора Кармель. Гора Кармель сейчас находится на территории Израиля, верно?

— Да, это нам напоминание о цели нашего путешествия. Как раз на горе Кармель и берёт свое духовное начало Орден кармелитов, который пыталась безуспешно реформировать Святая Тереза Авильская.

— Почему безуспешно?

— Потому что целиком реформировать Орден ей не удалось. Она смогла создать филиал, который стал жить по новому Уставу, оставив в покое тех кармелитов, которые не хотели расставаться со старыми порядками.

— А в чём была основная причина разногласий?

— В роскоши.

— Как в роскоши?

— Так. К шестнадцатому веку монастыри утопали в роскоши так же, как и дворцы испанских грандов. Комнаты монахов были устланы коврами и подушками, рясы расшивались золотом и жемчугами, а ели и пили слуги Божии из золотой и серебряной посуды. Тереза пыталась доказать, что в такой обстановке невозможно думать о Боге, а тем более общаться с ним. Как свидетельствуют современники, она в одночасье приказала убрать все предметы роскоши из комнат, придав им тот скромный вид, который мы можем созерцать сейчас в монашеских кельях: голые стены, кровать, распятие, свеча. А затем и вовсе ограничила выход монахинь за пределы монастырских стен.

Татьяна удивилась:

— Это же заточение. Его разве не использовали в качестве наказания?

— Нет. Задача у Терезы была другая — прекратить общение монахинь с внешним окружением, которое образом жизни и светскими замашками сбивало невест Христовых с правильного пути, а попутно покончить со сплетнями вокруг кармелиток. Выход любой монахини к подружкам за ворота означал бесконечные пересуды и перемывание косточек каждому персонажу внутри монастыря и вокруг него. В таких условиях заботиться о душе было невозможно, и Тереза самым решительным образом борется с женскими языками.

— А почему нельзя остаться с единомышленницами, отправив всех остальных на улицу?

— А что этой толпе делать на улице? На улицах средневековой Испании они находиться не могли. Традиция не допускала исключений. Девочка была под присмотром родителей, а повзрослев становилась женой или монахиней. Собственно говоря, тем, кого не брали замуж, дорога была только одна — в монастырь. Других занятий для женщин не имелось.

Глава VI

в которой рассказывается о том, как Хесус обзавёлся пятью мараведи, падре Альфонсо — новым звонарём, а епископ Кордобы — босоногими постояльцами

Хесус уже было направился привычной дорогой к таверне дядюшки Кривоглаза, у которого замечательно поужинал накануне, как к нему подошёл маленький пузатый человек в рясе священника.

— Сын мой, — хорошо поставленным голосом обратился он к Хесусу, — способен ли ты во Славу Божию поднять и опустить правое колено?

Хесус остановился и, повинуясь приказу, поднял правое колено.

— Прекрасно! — продолжил маленький человек. — А способен ли ты поднять левое колено?

Хесус проделал то же самое с другим коленом.

— Великолепно! — разразился похвалой священник, как будто Хесус проделал трюк невероятной сложности. — А не мог ли ты, сын мой, сделать руками вот так?

При этих словах священник замахал двумя руками перед лицом Хесуса, словно пытаясь спастись от осы, норотившей укусить его за нос.

Хесус повторил движения в точности, чем вызвал новый приступ восторга у собеседника.

— Подходишь, — удовлетворённо сказал незнакомец. — Я нанимаю тебя.

— Куда?

— На место звонаря на колокольню нашей церкви Святого Августина.

— Я пока не думал об этом...

— Десять мараведи в неделю придадут скорости твоей мысли?

— Лучше пятнадцать, тогда я смогу быть уверен, что не просплю утренний перезвон.

— Хорошо. Приходи в храм сегодня вечером, я тебе всё покажу и объясню, что к чему.

Спросишь падре Альфонсо.

— Простите, Ваше Преосвященство, а для чего вы заставили меня совершать движения коленями и руками?

— Когда ты смог высоко поднять колени, я убедился, что сможешь преодолеть ступени, ведущие на колокольню. А когда начал махать руками, я понял, что тебе не составит труда освоить колокольные мелодии.

— Ваша мудрость не знает границ. И будет ещё больше, если подскажет вам выдать мне небольшой задаток, — сказал Хесус, протягивая руку ладонью вверх.

Священник не торопясь, как бы раздумывая, стоит ли этому бродяге давать деньги, пошарил рукой под сутаной, достал кошель и, отсчитав пять мараведи, вручил их Хесусу.

— Согласитесь, Ваше Преосвященство, непривычно отдавать деньги, если всю жизнь приходилось их брать?

Маленький пузатый человек усмехнулся:

— Надеюсь, ты способен звонить в колокола также резво, как молоть языком...

В то же самое время недалеко от того места, где падре Альфонсо заставлял Хесуса заниматься физическими упражнениями, происходили не менее интересные события.

Тереза, обрадованная тем, что после молитвы в церкви Святой Марины может считать обет некасания земли выполненным, отказалась от кареты и пошла пешком, слушая по дороге жалобы сестёр на то, что раскалённые камни мостовой жгут им босые ноги.

Она не стала вступать с ними в пререкания и только ускорила шаг. Войдя во дворец епископа, она обратилась к мажордому:

— Доложите Его Святейшеству, что его хочет видеть Тереза из Авилы.

Сёстры скромно расположились чуть позади Терезы. Их головы, покрытые мантильями, были опущены. Они рассматривали затейливый узор на ковре.

Мажордом вежливо поклонился, затем оценивающе окинул посетительниц взглядом и учтиво произнёс:

— Его Святейшество при докладах просит указывать полное имя, звание и заслуги того, с кем предстоит ему беседовать. Можно ли что-нибудь добавить к вашему имени?

На миг Тереза задумалась. В голове пронеслись разные варианты. Добавить фамилию родителей, которые были достаточно известными в своих местах, или название монастыря, где она провела долгие двенадцать лет? Может, сослаться на сестру-настоятельницу?

— Скажите Его Святейшеству, что его хочет видеть Тереза из Авилы, невеста Хесуса с сёстрами.

— Невеста Хесуса... невеста Христа? Будет сделано, моя госпожа!

С вежливым поклоном мажордом скрылся в соседней комнате.

Через некоторое время он пригласил девушек в кабинет со стенами, украшенными растительными орнаментами. На полу лежали ковры, на невысоких столиках покоилась утварь, покрытая вермелем. В углу стояла жаровня для углей больших размеров, которая в это время года не использовалась.

Епископ сидел на лежанке римского образца. Видимо, Его Преосвященство отдыхал, когда к нему пришёл мажордом с докладом. Увидев девушек, он встал, сделал два шага навстречу и выполнил церемониальный поклон. На лице была одета маска непроницаемости. Казалось, что епископ говорит не своим ртом, а только приоткрывает губы в нужные моменты.

— Пусть нам подадут сок со льдом, — распорядился он.

Пока девушки скромно наслаждались прохладительным напитком, хозяин внимательно их рассматривал. В глаза ему бросилась худоба и бледность Терезы. Несмотря на смуглость, кожа на кистях рук была практически прозрачна. Такое бывает при длительном использовании перчаток, но синяки под глазами девушки свидетельствовали о недуге, перенесённом совсем недавно.

— Вы назвали себя невестой Христовой. Откуда вы пришли? — решил начать разговор епископ.

— Я, сёстры Инма и Кончи — из монастыря в Авиле.

— Авила, Авила... Город на пересечении божественных линий судьбы и мудрости. В таких местах должны рождаться великие агнцы, способные оставить след в человеческом стаде. В отличие от Ла-Манчи, где эти линии находятся в беспорядке и пересекаются хаотично. В Ла-Манче никогда не рождалось великих людей, только сумасшедшие³.

— Сумасшедшие тоже могут быть великими — великими сумасшедшими, Ваше Преосвященство.

— Это верно. Надеюсь, я не доживу до того времени, когда человеческое стадо будет поклоняться великим сумасшедшим, — пошутив таким образом, епископ ни на миг не позволил себе улыбнуться, продолжая хранить на лице прежнюю маску. — Но мы отвлеклись. Как здоровье настоятельницы монастыря августинок в Авиле преподобной доньи Эльвиры?

— Она в порядке, хотя с учётом возраста очень слаба... Благословила нас с сёстрами на путешествие в Кордобу. Если даст Бог, навестит вас в следующем году.

— Она передала с вами письмо?

— Нет, Ваше Преосвященство. Она сказала, что письмо не нужно, потому что мы едем не просить, а помогать.

— Помогать? Кому?

³ Провинция Ла-Манча — родина Мигеля де Сервантеса, Сальвадора Дали и по неподтвержденным данным Антонио Гауди, не говоря уже об известнейшем Дон Кихоте Ламанческом.

— Вам, Ваше Преосвященство.

— Мне? — епископ практически поддался чувству удивления, охватившему его, но в последний момент сдержался.

Он внимательно посмотрел на Терезу, затем на Инму и Кончу и сказал:

— Но если Вы не из Ла-Манчи, то почему бы вам не рассказать о том, как вы узнали, что мне нужна помощь, и на что благословила вас мать-настоятельница? Давайте присядем на подушках. Поведайте мне вашу историю!

— Я родилась в Авиле, — начала рассказ Тереза приятным и негромким голосом. — У меня было много братьев и сестёр. Рано осталась без матери. С детства мечтала стать монахиней, так как среди других сестёр и братьев я одна с интересом относилась к монастырской жизни. В двадцать лет моё решение посвятить себя уединённой монашеской жизни стало окончательным. Но этой зимой я заболела. Болезнь была настолько тяжёлой, что врачи считали, что дни мои на земле сочтены, и даже перестали делать ежедневные кровопускания, которые для лучшего результата совершали из обеих рук сразу. Настоятельница позвала отца и сообщила, что лучше умереть мне в родных стенах, чтобы родственники смогли спокойно попрощаться со мной. Болезнь не выпускала меня из своих смертельных лап. Меня причастили и стали готовить к погребению. Очистили и открыли семейный склеп. В одну из беспокойных и бессонных ночей, когда душа ещё цеплялась коготками за тело, хотя сил у неё почти совсем не осталось, явился мне ангел с коротким золотым копьём. Он коснулся своим оружием ран на сгибах локтей, которые продолжали кровоточить после кровопусканий, и сказал: «Твоя душа хочет быть ближе к Богу, но ещё не время. Помни, что у Господа, когда его тело простилось с душой, было семь ран, а у тебя только две. В тебе достаточно силы, чтобы пройти земной путь с пользой. Отправляйся в Кордобу и восславь Отца нашего в молитве в церкви Святой Марины на утренней службе в день Успения Девы Марии. Пусть ступени этого достойного дома Бога будут первыми, чего коснутся ступни твоих ног после долгого пребывания в постели. Затем иди к епископу Кордобы, ибо он нуждается в тебе, как никто на этом свете. И если к тому времени в твоём сердце разгорится огонь любви к Иисусу, ты сможешь помочь Его Преосвященству». Закончив речи, ангел растаял в воздухе, а его свет и свет утра слились в единый поток. Ночь закончилась. Болезнь отступила, я пошла на поправку, удивив врачей и сестёр по монастырю, которые уже считали меня умершей. Мой отказ ступить на землю вызвал недоумение у окружающих. Но слова о данном обете, если я выздоровею, успокоили родных. Я отдавала приказание о подготовке к путешествию, продолжая лежать на кровати. Когда специальная карета, больше похожая на домик на колёсах, была готова, меня перенесли на руках и посадили прямо внутрь. Так как на мне не было обуви, на время путешествия я осталась босой. По дороге я вспомнила, что изначально, когда идеи Кармеля только утвердились на Святой земле, монахини-кармелитки не носили обуви, и заставила своих спутниц также снять ботинки. Мы успели, несмотря на встреченные трудности, помолиться на утренней службе в церкви Святой Марины в день Вознесения души Девы Марии. Не хотела рассказывать, но разве можно утаить Славу Божию? Господь помог нам тем, что задержал начало службы на несколько часов. Как оказалось, звонарь сломал ногу и не смог в обычное время позвонить в колокол, призывая христиан к кропильнице для омовения. Эти обстоятельства придали сил моим сёстрам, которые из-за недостатка веры склонны в тяжёлые минуты к унынию. Если Господь ведёт нас, значит, он нас не оставит.

Сеньор Хуан Альварес де Толедо выслушал рассказ с глубоким вниманием. После он задал только один вопрос:

— И что же, дорогая Тереза, успел ли разгореться огонь любви к Иисусу в вашем сердце? Тереза смутилась.

— Да, огонь уже горит.

— Хорошо, располагайтесь в моём доме. Вам покажут комнаты. Я тоже должен поговорить с ангелом, чтобы понять, чем вы мне можете помочь.

Глава VII

Маленькая придорожная гостиница с нехарактерным для Испании названием «Посада де ла Мария де Гваделупе» на въезде в город Альба-де-Тормес обеспечила путешественников неплохим ужином, двумя чистыми комнатами и приветливой службой.

— Это неподражаемо! — восторгалась Татьяна. — «Осьминог по-галисийски» — это божественно! Какое великолепное сочетание вкуса морского гада с красным перцем и белым охлаждённым вином! Если ты захочешь сделать любимой девушке предложение, от которого она не должна отказаться, пригласи её в ресторан на осьминога по-галисийски, призывно лежащего на дощечке из яблоневого дерева, и будь уверен, что она согласится.

— Я подумаю над сказанными словами и твоим предложением, — смеясь, отозвался Зэ. — Я слышал, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, но чтобы и путь к сердцу женщины проходил через дощечку из яблоневого дерева с гадом посередине, о таком слышу впервые.

Татьяна улыбнулась:

— По своей природе женщины — хищницы, а точнее — кошки. Если ты предложишь кошке булочку с корицей или шоколадку, она, конечно, соблаговолит снизойти до подарка, но из скромности или по причине осваивания очередной диеты отложит в сторону и не станет кушать. Но предложи ей рыбку или осьминога, и молния покажется тебе слишком медленной по сравнению с зеленоглазой бестией, которая ринется к тарелке.

— Что ж, придётся на завтрак повторить осьминога на дощечке.

— Не получится, не получится! На завтрак здесь — шведский стол, на котором осьминогами и не пахнет.

Утром, проснувшись не поздно, они спустились в столовую.

Действительно, в гостинице был шведский стол. Пока Зэ с Татьяной обходили подносы с приготовленными кушаньями, на пороге показалась дежурный администратор вместе с представительным мужчиной в костюме без галстука. Мужчина цепким взглядом прошёлся по постояльцам. Квадратная голова вращалась из стороны в сторону, как прожектор у охраняемого объекта. Чёрные волосы немного тронула седина, крупный нос выдавал нетривиального мыслителя. Его сопровождал долговязый парень с длинной челкой набок, подстриженный под известного футболиста одного из местных клубов. Девушка-администратор указала мужчине на Зэ и Татьяну. Тот поблагодарил и уверенным шагом направился к путешественникам.

— Простите, — извинился он по-испански, — я бы хотел с вами побеседовать. Меня зовут инспектор Сегуро, криминальная полиция Саламанки. Чтобы не отвлекать вас от завтрака, давайте вместе сядем за столик. Мы со стажёром Рамоном заодно перекусим, так как ночь была беспокойная.

Невыспавшийся стажёр, хмуро поглядывая на путешественников и старательно выговаривая окончания, перевёл слова инспектора на русский.

Зэ представил себя и спутницу, затем показал на столик у окна, который показался наиболее удобным для разросшейся компании. Они расположились за столиком, и первые пять минут никто ничего не говорил, так как инспектор и долговязый стажёр уплетали сэндвичи, запивая их апельсиновым соком. Потом новые знакомые повторили манёвр, пройдя с тарелкой по подносам и накладывая заново сэндвичи. К этому времени обслуживающий персонал вынес шипящий омлет, и всем пришлось ещё раз встать из-за стола. Наконец, перешли к кофе.

— Машина с дипломатическими номерами на стоянке ваша? То есть вы — дипломат?

— Я — сотрудник посольства.

— Тогда предлагаю по-дружески побеседовать, чтобы не усложнять наше общение перепиской между Министерством иностранных дел и посольством, направляя список вопросов и ответов, месяцами ожидая результата.

— Вы хорошо осведомлены о существующих процедурах, инспектор.

— Да, был опыт общения с румынским посольством, когда один из дипломатов отправился с цыганским табором в Корунью, а по дороге с плясками и песнями был ограблен банк.

— Надеюсь, в ближайшей округе банк не ограбили?

Инспектор, выслушав перевод, усмехнулся.

— Банк не ограбили, но кража всё-таки была. Если вы шутите, значит, вам бояться нечего.

Зэ не остался в долгу:

— Уверяю вас, нам бояться нечего. Более того, если нужна помощь — мы вам её окажем.

— Приятно слышать. А почему вы решили, что нам нужна помощь?

На этот раз усмехнулся Зэ.

— Выглядите уставшими и очень голодными, следовательно, всю ночь вы были в дороге, нигде не остановились даже для того, чтобы перекусить. Ехали сюда целенаправленно, получив информацию о том, что машина принадлежит русскому посольству, иначе бы приехали без переводчика, и на месте выяснили, что мы не говорим по-испански. Ну, и общеизвестный факт, что криминальная полиция занимается серьёзными делами. Если вы сели за наш столик, значит, как честные люди, мы обязаны помочь.

Инспектор откинулся на стуле. По нему было видно, что сэндвичи вкупе с горячим омлетом сделали свое благостное дело, когда человек может себе позволить, не отвлекаясь на насущные потребности в еде, с симпатией отнестись к собеседнику.

— В логике вам не откажешь. Вы верно всё описали, с той разницей, что ночь мы провели в музее, а в дороге были лишь под утро. Вижу, темнеть перед вами бесполезно. Может, вы действительно сможете помочь...

— Вы сказали «в музее»?

— Да, из музея сегодня ночью пропали два экспоната. По камерам видеонаблюдения установлено, что вы их разглядывали. Администратор музея запомнила номера автомобиля, на котором уехали последние посетители. Камеры на трассах показали ваше направление. К тому времени я уже знал, за каким посольством числится автомобиль. Информация о заселении в гостиницу автоматически попадает в компьютер миграционной службы, к которому мы имеем доступ. Мое предположение подтвердилось, когда на гостиничной парковке мы увидели машину с разыскиваемыми номерами.

Зэ кивнул в знак того, что объяснения инспектора его удовлетворили.

— Вы сказали, что пропали два экспоната? Первый, скорее всего, Устав ордена тамплиеров, а второй — какой?

— Шкатулка из пенги с серебряными нашлёпками и вставками из слоновой кости.

— Между двумя этими предметами лежит пропасть в четыреста лет, — заметил Зэ.

— Первый лист Устава, кстати сказать, остался на месте, — пояснил инспектор, — злоумышленники забрали только второй лист.

— Первый лист остался на месте? — удивился Зэ. — То есть взяли второй лист и шкатулку? Интересное сочетание! На втором листе, насколько я помню, ничего, кроме подписей участников собрания, не было. Текст документа полностью воспроизведён на первом листе. С исторической точки зрения, именно документ с текстом является раритетом, а подписной лист можно рассматривать в качестве курьёза. Ценность шкатулки, я бы сказал, условна: работа неизвестного мастера шестнадцатого века, ни драгоценных камней, ни золота. А что-нибудь другое пропало?

— Нет.

— А в какое время сработала сигнализация?

— В музее не было сигнализации. Никому не могло прийти в голову, что плакаты времен Гражданской войны или масонские балахоны могут кому-то понадобиться.

Зэ задумался, а потом спросил:

— То есть стекло разбили и экспонаты забрали?

— Подписной лист Устава был в двойном стекле. Его вырвали вместе с пластмассовыми креплениями, кстати, довольно хлипкими. Шкатулку забрали из стеклянного ящика на ножках, просто отодвинув от стены, так как у ящика не было задней стенки.

— А что показали камеры видеонаблюдения?

Инспектор вытер салфеткой краешек рта и усмехнулся:

— У меня полное ощущение, что я нахожусь в кабинете у комиссара, которому докладываю о ходе расследования.

— Одна голова хорошо, а две — лучше, инспектор. Может, и придётся чем-нибудь обрадовать комиссара, когда все вместе обмозгуем это дело, — заметил Зэ.

— Дело в том, что в районе с 21.00 до 21.30 не было электричества. Компьютеры, на которых велась видеофиксация, были обесточены. Система настолько несовершенна, что даже после возобновления подачи электричества компьютеры сами не включились. Они не работали до тех пор, пока директор музея по нашей просьбе не вызвала из дома системного программиста. Он включил машины, и мы увидели последние события.

— Каким же образом вы узнали о краже?

— Директор музея — одинокая женщина хрупкого телосложения, в возрасте, живёт неподалеку. Когда в районе погас свет, чтобы не сидеть дома в темноте, пошла гулять по окрестностям с собакой. Через полчаса свет в районе дали. Она прогуливалась мимо музея и увидела, что в окне на первом этаже светло. Подошла к двери, а замок взломан, причём варварским способом — вырван кусок двери вместе с замком.

— Это немного странно, — заметил Зэ. — Зачем выключать свет во всём районе, чтобы его оставить включённым на первом этаже музея? Это помещение, где находится гардероб при входе?

— Да.

— И там камера видеонаблюдения не была установлена?

— В этом помещении нет экспонатов. В основном камеры использовались, чтобы следить за школьниками, которые приходили классами на экскурсии. Знаете, дети часто толкаются, кто-то может куда-нибудь влететь, что-то повредить. Были случаи, когда играли в прятки, а пару лет назад один из умников надел балахон с прорезями для глаз и пошёл в женский туалет к одноклассникам.

Инспектор выдержал паузу:

— Насколько я себе представляю, пока вы были в музее, ничего подозрительного не заметили. Поэтому я пока не буду включать вас в список подозреваемых.

— Я бы на вашем месте включил нас в список подозреваемых.

— Вы смеетесь? Это впервые в моей практике, когда человек добровольно просит включить его в список подозреваемых. Обычно все хотят отвести от себя подозрения. Но почему вы так сказали?

— Потому что наш последующий маршрут покажется вам подозрительным.

— А куда вы направляетесь?

— После того как мы посмотрим место, где хранится рука и сердце Святой Терезы в Альба-де-Тормес, мы планируем отправиться в Авилу, а потом — в Кордобу.

— А разве в Мадрид мы не будем заезжать? — подала голос Татьяна, которая до этого сидела молча.

— Мадрид стал столицей только в семнадцатом веке. До этого он был маленьким провинциальным городком, в котором ничего не происходило.

Инспектор выслушал перевод, сделанный прилежным стажёром.

— Простите, но пока не улавливаю связи.

— На украденной шкатулке была изображена гора Кармель — духовный источник Ордена кармелитов. А мы путешествуем по местам, связанным с именем Терезы Авильской, основательницей движения босоногих кармелиток.

— Понял, тогда я внесу ваши имена в список подозреваемых.

Инспектор помолчал, как будто взвешивая слова, а затем предложил:

— Вы не будете возражать, если сеньор Рамон сопроводит вас в путешествии? Поверьте, я далёк от мысли, что вы преступники и попытаетесь сбежать. Я действую из лучших побуждений. Сеньор Рамон постоянно со мной на связи, если появятся новые сведения по делу, он сможет ознакомить вас. Соответственно, если вы что-нибудь узнаете или вспомните, сообщите через него. Он сильно вас не побеспокоит. У него своя машина и деньги на расходы. Обменяйтесь телефонами на всякий случай, а я, пожалуй, налью себе ещё кофе.

Рамон, услышав о важной миссии, которую на него возложил инспектор, оживился, достал из кармана телефон и начал показывать Зэ снимки с места преступления. Особенно Зэ заинтересовала фотография вырванного замка. Вернулся с чашкой кофе инспектор.

— Скажите, — обратился Зэ к инспектору, — а орудие взлома на месте преступления не было обнаружено?

— Нет. При первичном осмотре криминалист даже не смог предположить, каким способом можно было так повредить замок. Как будто его взорвали изнутри.

— В двери, насколько я понимаю, был современный замок, но оставались два замка старой конструкции один над другим с большими скважинами для ключей. Скважины сквозные, палец спокойно пролезет.

— Да, в том-то и загвоздка, что если бы преступник орудовал ломом или арматурой, то ему не за что было бы зацепиться: ни проушин, ни петель.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво протянул Зэ, — я бы на вашем месте узнал, какой породы собака у директора музея.

— А это здесь причём? — удивился инспектор.

— Есть собаки, которые боятся оставаться в темноте.

Глава VIII

в которой епископ разговаривает с ангелом, дядюшка Кривоглаз негодует, а Хесус вновь получает пять мараведи

— Ангел мой, — Его Светлость сеньор Хуан Альварес де Толедо взял гроздь винограда с серебряного блюда. У его колен на подушках сидела молодая смуглая женщина лет тридцати пяти с причудливыми серьгами и браслетами с драгоценными камнями. Одетая она была на арабский манер: шаровары и накидка из воздушной ткани, — что ты думаешь по поводу нашего гостия кармелиток в нашу скромную обитель?

— Та, которая говорила с тобой, достойна всяческих похвал. Не знаю, как насчёт огня в сердце, но глаза у неё горят.

— Ты слышала весь разговор от начала до конца?

— Да, и думаю, что будет верхом глупости не воспользоваться представившейся возможностью.

— Какая же это возможность? — епископ лениво перебирал ягоды, периодически отправляя в рот те, которые ему приглянулись.

Женщина помолчала и начала издали:

— Не мне тебе рассказывать, что благодаря заступничеству Девы Марии Испания выделилась среди других христианских государств. Именно испанцы мечом и крестом изгнали неверных и освободили земли, которые семьсот лет были под властью полумесяца. За это Господь открыл испанцам Западные Индии. Испанцы укрепили престол Святого Петра, отправив в Рим лучшего своего представителя, который стал Папой Борджиа. Эту традицию необходимо продолжить, чтобы ни Авиньон, ни Лацио даже не думали о том, что их кандидаты имеют шанс возглавить церковь.

— Ты рассуждаешь здраво, — поддержал собеседницу епископ. — Продолжай!

— Ты, мой повелитель, мечтаешь занять должность кардинала в Риме, а потом, возможно, станешь папой. Кандидаты в папы должны представить на рассмотрениеopus, посвящённый злободневным заботам церкви. Ты напишешь труд о древности креста как знака Божьего, который был на земле намного раньше, чем пришёл Сын Божий.

Епископ поперхнулся.

— Это достойный вклад в библиотеку учёности нашей матери — церкви, но, мой ангел, я понятия не имею, откуда взялся крест на земле?

— Об этом ты узнаешь у кармелиток. По словам девушки, которая назвалась невестой Христовой, Господь послал ей ангела, который зарубцевал раны и вразумлял её. Пусть она спросит про крест у ангела.

— А что Терезе пообещать взамен?

— Когда ты станешь кардиналом, ты сможешь для неё сделать многое из Рима, чего никогда не сделал бы из Кордобы.

— Хорошо, я подумаю.

— Думай, думай. А пока думаешь, пусть Нати приглядит за Терезой, а Пури пусть поближе сойдётся с её спутницами, чтобы нам знать, что они делают и что у них в головах. Огонь в сердце — это хорошо, но главное — сведения о том, кто и что замышляет. А ещё неплохо было бы устроить праздник.

— Праздник?

— Да, праздник. Пригласить прелатов, благородных идалго с жёнами, начальника стражи с дочерьми и других добрых христиан. Также пригласить Терезу с сёстрами. Пока все будут гулять по саду и наслаждаться яствами за столом, знатные гости по обыкновению зададут

Терезе массу каверзных вопросов. Я хотела бы посмотреть, как она выкрутится. Ещё нужно сделать помост для танцев: благородные сеньоры и дамы с удовольствием станцуют павану и чакону. На досках хорошо стучат каблуки и траву не вытопчут, как прошлый раз.

— Насчёт праздника я согласен. Почему бы и нет! За неделю мы успеем всё подготовить...

Когда Хесус дошёл до таверны «Глаз Бога», сиеста была в полном разгаре. Новоиспечённый жених здорово проголодался, потому что с утра ничего не ел. Честно говоря, он совсем забыл про еду. Милые сердцу черты Терезы не давали покоя: её прозрачные смуглые руки, быстрые искорки глаз, колыхание складок платья — всё это мелькало перед глазами и подавляло аппетит.

«Вот кого нужно было бы откормить, чтобы была толще, — обречённо вздохнул Хесус, продолжая думать о Терезе. — Сначала предложить ей большую миску варёных бобов с большим куском свинины, луковицу или головку чеснока, потом папилью⁴ с ломтём хлеба, на котором в несколько слоев лежит презунто, мёд, сыр, а потом уже можно и сушёные фрукты, от которых мало толку, только пить хочется сильнее. Хотя, луковицу и чеснок из этого меню можно исключить, чтобы изо рта пахло так же хорошо, как тогда, когда я нёс её на руках. Ладно, размечтался, пенговый пень... В таверне, наверное, я уже никого не найду. Повара завалились спать, а сеньор Кривоглаз подсчитывает доходы».

К его удивлению, хозяин таверны был на месте, более того, он совершенно не занимался таким спокойным и умиротворительным делом, как подсчитывание доходов, а метался по залу, бегая вокруг столов, периодически опуская свой кулачок на отполированные доски столешниц со словами:

— Это мы ещё посмотрим! Надо же такое удумать!

Хесус сел за стол, стоявший в углу, чтобы не мешать хозяину совершать круговые движения, и принялся наблюдать. Скоро к нему подошёл поварёнок, который, оказывается, не спал, а пребывал в самом бодром состоянии и даже согласился принести посетителю миску бобов, кусок хлеба, политый уксусом, и кружку воды.

— Что это с сеньором Кривоглазом? — поинтересовался Зэ.

— Это из-за писем.

— Из-за писем? Сеньору Кривоглазу кто-то пишет письма?

— Нет, никто ему не пишет.

— Значит, он сам пишет письма, как какой-нибудь кабальеро или аббат?

— Сеньор Кривоглаз писать не умеет, только считать, — пояснил поварёнок.

— Из-за чего тогда он наматывает круги, как ослик, привязанный к жерновам?

— Сейчас расскажу, только сбегая на кухню, — ответил поварёнок.

Вернувшись с заказом, он рассказал, что буйство хозяина вызвано последним королевским рескриптом, по которому хозяева заведений, подобных тому, которое управляется добрым сеньором Кривоглазом, должны были не только бесплатно поить вином кучера и курьера королевской почты, но и давать им закусывать.

Предыдущий указ разрешал почтальонам получать бесплатно по одному кувшину вина в любой из таверн по пути к месту назначения. Естественно, почтальоны не пропускали ни одной таверны на дороге. Набравшись вина, иногда приличного, а зачастую хорошо разбавленного, они бесшабашно гнали по дорогам лошадей, не вписывались в повороты и оборачивались на косогорах.

Выяснив причины, побуждающие кучеров так безответственно вести себя, придворные советники пришли к выводу, что виноваты хозяева трактиров, которые не подавали к кувшинам вина никакой закуски, что было совсем не по-христиански. Нельзя же удалять жажду не

⁴ Каша, преимущественно из полбы.

закусывая! Чтобы заставить жадных хозяев придорожных заведений не только поить, но и кормить королевских гонцов, новый указ обязывал сопровождать кувшин бесплатной краюхой хлеба и чем-нибудь ещё: куском мяса, рыбы, овощами. Понимая, что смекалистые и расчётливые хозяева, не желающие тратиться на служивых людей, будут максимально уменьшать размеры куска хлеба, советники вставили в указ добавление, что краюха хлеба должна закрывать горло кувшина и не проваливаться внутрь. Закуска уже получила своё название — «тапа», что означало «крышка», от глагола *tapa*, то есть «накрывать».

Незадолго до прихода Хесуса третий за день экипаж с гербом королевской почты на дверцах резко остановился у входа. Кучер и гонец, вбежав в таверну, потребовали два кувшина вина и двойные тапас, чем вконец вывели из себя дядюшку Кривоглаза, не успевшего отойти от предыдущих нахлебников.

Хесус выслушал этот занимательный рассказ с большим вниманием, попутно опустошая миску с бобами. Он сказал поварёнку, чтобы тот остановил бегающего хозяина и пригласил его к столу.

Сеньор Кривоглаз с красными от переживаний щеками и одышкой после интенсивного бега плюхнулся на скамью напротив Хесуса и непонимающе уставился на него.

— Достопочтимый сеньор, — начал Хесус свою речь, отослав поваренка на кухню за второй порцией, — я услышал о вашем горе и хочу дать добрый совет.

Сеньор Кривоглаз насторожился.

— Сколько мне будет стоить «добрый совет»? Вы сеньор — астролог или сборщик налогов?

— По роду занятий я — плотник. Советы даю бесплатно, в отличие от астрологов и сборщиков налогов. Бобы в вашей харчевне настолько наваристы, что я пребываю в полной благодати и, видит Бог, не имею ни малейшего желания что-то получить с вас.

— Хорошо, говорите.

— Я слышал, что на правой улице от Римского моста живёт меняла Абрахам, дающий также в долг деньги под проценты.

— Я знаю его.

— Он после смерти гончара-мориска⁵ по имени Бенхумей забрал в счёт погашения долга партию кувшинов, которые оказались ни к чему не пригодны, так как объёмом они в четверть обычных, а размером горлышка чуть больше мараведи. Купите у него всю партию и смело ставьте почталёнам маленькие кувшины с маленькими тапасами. Таким образом, вы не нарушите королевский указ, обязывающий вас класть краюху размером не меньше диаметра горла кувшина, на котором она лежит. Заметьте, повторю ещё раз, у этих кувшинов горлышко гораздо меньше обычных. А прослышав про мизерные порции в таверне «Глаз Бога», курьеры будут объезжать вас стороной, спеша к другим хозяевам, у которых нет кувшинов такого маленького размера.

— Как велик Господь, если вслед за несчастьем спешит послать мне избавление! — воскликнул дядюшка Кривоглаз. Он пришёл в доброе расположение духа и на радостях даже сам встретил очередного посетителя, который зашёл в его таверну, несмотря на сиесту.

Посетителем оказался посыльный из дома епископа. Он негромко переговорил с хозяином, вследствие чего хозяин указал пальцем на Хесуса, расправляющегося со второй миской бобов.

— Эй, малый! — окликнул посыльный. — Ты плотник?

— Да, ваша милость!

— Не желаешь ли ты заработать триста мараведи за пять дней работы?

⁵ Мориски — мусульмане, принявшие христианство, а также их потомки. Марраны — евреи, принявшие христианство, а также их потомки

— Ещё как желаю, но никто не предлагает.

— Его Светлость сеньор епископ предлагает. Ты завтра должен явиться с инструментами ко дворцу Его Светлости.

— А что случилось у Его Светлости, что он не может обойтись домовым плотником?

— Приехали какие-то босоногие кармелитки. Его Светлость пожелал устроить праздник с танцами, а для танцев нужен помост и беседки.

— Кармелитки? Я явлюсь завтра сразу после утренней службы, ваша милость.

— Хорошо, вот тебе пять мараведи задатка.

Посыльный, заручившись словом дядюшки Кривоглаза, что всех плотников, которые зайдут в его таверну, тот будет направлять в дом епископа, вышел на улицу.

— Господи, сегодня деньги на меня сыпятся дождём. Видно, не даром с утра я подержал своё счастье на руках, — сказал Хесус, вспомнив про Терезу.

— Дядюшка Кривоглаз, — обратился он к хозяину таверны, — выручи меня, покажи, где живёт плотник по имени Пепито, я хочу у него одолжить инструменты.

Глава IX

Татьяна и Зэ вышли из церкви на площадь. За ними, делая вид прогуливающегося туриста, вышел стажёр.

— Слушай, рука и сердце Терезы покоятся здесь, а остальные части где?

— Нужно посмотреть поисковики. Мне не встречалось описание других захоронений, иначе бы я обратил внимание. Но думаю, её растащили не дальше Испании.

— Купите медовое печенье, купите медовое печенье! — на площади женщина в одеянии монахини продавала сладости и собирала пожертвования.

— Дайте нам, пожалуйста, это, — сказала Татьяна, указывая на маленькую коробочку. — Вот пятьдесят евро.

— Простите, у меня нет сдачи.

— Оставьте, — махнула рукой Татьяна.

— Вы так добры. Тогда кладите купюру в ящик для пожертвований на нужды кармелиток.

— Вы сказали кармелиток?

— Да, мы делаем сладости и выпекаем печенье на продажу, а деньги идут сёстрам в монастырь.

— Не поняла последнюю фразу, — обратилась Татьяна к Зэ.

Зэ оглянулся.

— Сеньор Рамон! Сеньор Рамон! Идите сюда. Переведите нам, что говорит эта сеньора. Стажёр подошёл, поздоровался и перевёл.

— Здесь есть настоящие кармелитки! — воскликнула Татьяна.

— Естественно, как же им здесь не быть, если здесь упокоилась Святая Тереза, — заметил Рамон с важным видом, хотя сам об этом узнал только несколько минут назад, когда прочитал надпись на памятной табличке в церкви.

— А вы не хотите поговорить о Святой Терезе с нашей настоятельницей — сеньорой Кармен? Она просит, чтобы мы приводили к ней туристов поговорить.

— Мы? Хотим, конечно! Проводите нас, пожалуйста!

Монахиня накинула платок на корзинку со сладостями, к которой был прикручен ящик для пожертвований, и направилась на боковую улицу, спускающуюся в сторону реки.

Через десять минут они подошли к высоким воротам, соединяющим пространство между двумя каменными домами с маленькими окнами.

Монахиня толкнула калитку, и они оказались во внутреннем дворе.

Проведя спутников по галерее, она указала на боковую дверь. Постучала и, получив разрешение, вошла. В довольно большой комнате в кресле-качалке сидела пожилая женщина. Рядом лежала открытая коробка с сигарами. Настоятельница положила сигару в пепельницу и сделала несколько движений, пытаясь разогнать табачный дым.

— Извините, — сказала она вместо приветствия, выслушав монахиню, — привычка молодости. До поступления в монастырь я работала на табачной фабрике. У нас все девчонки курили. Откуда вы? Из России? Да, таких посетителей у меня не было. Если не будете задавать глупых вопросов про левитацию и точное место, куда огненным копьём ангел поразил нашу основательницу, мы сможем выпить по бокалу лимонада во внутреннем дворе.

Две монахини вынесли кресло-качалку из комнаты и помогли донье Кармен перебраться в тень резной колоннады из желтоватого песчаника. Когда все расположились на стульях и принесли лимонад, настоятельница продолжила:

— Я иногда прошу приводить ко мне туристов из внешнего мира, чтобы понимать, насколько люди склоняются к Богу. Правда, в последнее время попадались неутешительные

примеры. Про Бога думают всё меньше, оно и понятно — некогда человеку. Он занят другим. Было время, когда у Господа просили совета и получали его. Сейчас советы дает Гугл и социальные сети. Это хорошо, что вы из России: Россия — страна, где ещё думают о Боге и заботятся о душе. Вы же знаете, что почитание Девы Марии, принятое у русских как постулат веры, испанцам пришлось доказывать многовековой борьбой с Ватиканом. И, наконец, только в середине двадцатого века кардиналы смилоствивились и постановили признавать Вознесение Богородицы в качестве религиозного факта.

— А почему Ватикан так долго сопротивлялся? — спросила Татьяна.

— Давняя ревность. Ничто так не губит человеческую натуру, как ревность. Кабальеро из ревности готов убить любовника, сеньора вонзить кинжал в грудь любимому. Такими нас создал Бог. В Ватикане — живые люди, хоть носят красивые головные уборы. Они тоже — дети Божии. Вы никогда не задумывались, почему наша мать — католическая церковь — вычеркнула женщин из окружения Христа? Мария Магдалина не стала апостолом, хотя написала «Евангелие от Марии». Святая Урсула могла занять место рядом со Спасителем, а осталась обыкновенной святой. Сёстры Хесуса не стали даже святыми, хотя побывали в той же утробе, что и брат. Всех их низвели до второстепенных персонажей, потому что они были дочерьми Евы, также, как и Богородица. В Генуе показывают хвост осла, на котором Иисус въехал в Иерусалим. Это — святыня, а Мать Христа — нет! Существует много объяснений, но правду не скроешь. У церкви Петра не было шансов победить Испанию другим способом, кроме как умалить достоинство Девы Марии. Они ревновали Испанию к Богородице, поэтому отказали Матери Иисуса в святости, а заодно и обвинили всех женщин в первородном грехе.

— Разве церковь Петра не одна для всего мира, в том числе и для Испании? — спросил Рамон.

Сеньора Кармен оглянулась, подозвала одну из монахин, скромно стоявшую у колонны и попросила принести коробку с сигарами. Дождавшись и раскурив сигару, она начала слегка покачиваться в кресле-качалке, искоса поглядывая на стажёра.

— Плохо изучают историю в современных школах. Как вас зовут, молодой человек? Рамон? Так вот, сеньор Рамон, в Испании не было церкви Святого Петра. У нас была своя церковь Святого Тиаго, на цивилизованный манер — Святого Якова. Петр и Яков — апостолы. Спорить, кто из них главнее, бессмысленно. Яков заложил на испанских землях крепкий фундамент правильной церкви, где и Сын божий, и Богородица были на своих местах. Никто не обвинял дочерей Евы в смертных грехах и не сомневался в Вознесении Девы Марии. Так продолжалось, пока церкви росли. Но мир, в котором существуют две церкви, ненадежен. Выжить могла только одна. В результате скрытой борьбы и страшного злодеяния Ватикан победил. Сколько столетий прошло, а прелатам в красных сутанах до сих пор приходится покрывать дело, которому сотни лет, новыми преступлениями...

Собеседница глубоко затянулась сигарой. Глаза её прикрылись, морщины на лице мелко подрагивали.

— Простите, а Святая Тереза тоже боролась с Ватиканом? — прервала Татьяна раздумья настоятельницы.

— В своем роде — да. Только не с Ватиканом. Тогда Ватикана ещё не было. С ложными представлениями церкви Святого Петра о роли Матери Иисуса и Святой Магдалины. Тереза узаконила роль женщины в общении с Богом. Доказала своим подвижничеством, что на поприще понимания Всевышнего женщине дано больше, чем мужчине, как матери природой дано лучшее понимание своего ребенка, чем отцу. В соединении души с божественным светом она достигла таких чувственных высот, которые были непостижимы и до сих пор недоступны мужам от церкви.

— Простите, ещё один вопрос. А вы не знаете, за что сеньор Хуан Альварес де Толедо подарил Терезе часть животворящего креста?

— Как, вы и это знаете? — удивилась настоятельница. — Недаром пишут в газетах, что российский президент знает о тайнах Мадридского двора больше, чем король Испании. Когда я ещё только поступила в монастырь и мои чёрные глаза меня не подводили, мне попался на глаза в библиотеке фрагмент рукописи. В ней говорилось, что Тереза, пообщавшись с Богом, смогла открыть тайну появления креста в мире людей. Из текста я поняла, что епископ Кордобы поставил этот вопрос в качестве проверки её мистических способностей. Испытание Тереза выдержала, но, к сожалению, сути ответа в документе не было. Может, вы попробуете сами докопаться до истины? Как мог появиться крест в мире людей задолго до того, как выросло дерево, из которого изготовили животворящий крест? Епископ Кордобы считал себя учеником Борхиа, того самого, который стал в 1485 году Римским Папой и вошёл в историю под именем Борджия (на итальянский манер). Думаю, что, уезжая в Рим добывать кардинальскую шапку, Сеньор Хуан Альварес де Толедо понимал риски, связанные с пребыванием у Святого престола, где негодным могли запросто подмешать медленнодействующий яд на обед, а быстродействующий — на ужин. Его Милость мог отдать сокровище кармелитке на хранение или в дар. Так или иначе, реликвия осталась у неё. Меня греет мысль о том, что в одном из монастырей, основанном Святой Терезой, лежит дерево, которое касалось самого Хесуса. Но где? Это известно только Святой Терезе и Господу. Наверное, пылится где-нибудь в сундуке шкатулка с секретом, в которую Тереза спрятала карту с указанием нужного места, или в отдалённом монастыре в Кантабрии молодая послушница, пройдя все семь комнат «Внутреннего замка», получит ответ на волнующий вас вопрос. Может быть... Кстати, о шкатулках. Сэнси! — обратилась она к монахине, которая ей прислуживала. — Принеси из моей комнаты шкатулку. Она стоит в комодке в самом нижнем ящике в правом углу. Я хочу подарить её вам — пусть в России будет такая штука!

Девушка принесла то, что попросила настоятельница.

Ээ и Татьяна одновременно издали удивлённый возглас. Это была шкатулка, похищенная из музея в Саламанке. Рамон с недоумением посмотрел на них. Настоятельница сказала:

— Шкатулке более четырёхсот лет. На боковой стенке изображена гора Кармель, откуда, собственно говоря, и пошли кармелиты. У меня было много таких шкатулок: все раздала, осталась одна.

— Если она последняя, может быть, вы оставите её себе? — предложила Татьяна.

— Мне уже недолго осталось, и, по большому счёту, кроме хороших сигар, ничего не нужно.

— Вы сказали, что таких было много? — переспросил Ээ.

— Да, в мастерских Ордена тогда их изготавливали сотнями.

— Но для чего?

— Не знаю. Было какое-то назначение, кроме хранения мелких вещей, но сейчас уже не вспомню.

Глава X

в которой Хесус говорит, что строит корабль, и сравнивает себя с Геркулесом, Нати и Пури жалуются на сложность данных им поручений, а падре Альфонсо обнаруживает пропажу

— Как? Это опять вы, сеньор! — воскликнула Тереза, увидев Хесуса среди других плотников, сортирующих доски в той части сада, где была большая лужайка.

— Госпожа, ваш покорный слуга явился к вашим ногам и рад видеть, что они вполне могут сами ходить по грешной земле, не нуждаясь ни в чьей помощи.

Тереза зарделась и поспешно прикрыла краем платья, выглядывающие из-под подола босые пальцы.

— Хороший слуга тот, который промолчит в нужную минуту и ничего не скажет в остальные.

— Мне это известно, госпожа.

— Но что вы здесь делаете?

— Я строю корабль.

— Корабль? Здесь? Так далеко от моря?

— До моря действительно далеко. Чтобы не утруждать невесту утомительной дорогой, я решил построить корабль там, где вы живёте, а потом на руках отнести вас прямо на корабле к морю.

— Я знаю, что у вас сильные руки, но, мне кажется, вы преувеличиваете ваши возможности. Даже Геракл плавал на кораблях, а не носил их на руках.

— Геракл совершал подвиги, чтобы избавиться от кабалы, а я, наоборот, чтобы попасть в кабалу к вам. Ваш ласковый взгляд придает мне силы, каких не было у Геракла. Посмотрите, какой мешок я принёс, — сказал Хесус, показывая в сторону коричневого мешка, сравнимого по размеру с годовалым телёнком.

— Что это?

— Мой подарок невесте. Прикажите слугам доставить в вашу комнату.

— На нас смотрят, я должна вас покинуть.

— Я приду к вам сегодня после заката, обещайте ждать, — понижая голос, сказал Хесус. — И про мешок не забудьте!

Тереза ничего не ответила.

— Я точно приду, — повторил Хесус, — ждите!

Тереза неспешно отправилась гулять по саду в сторону галереи, сделав вид, что не заметила Нати, которая присела за апельсиновым деревом.

Проводив взглядом Терезу и убедившись, что монахиня пошла к себе в покои, Нати быстро пробежала по галерее, свернула в боковое ответвление и вошла в небольшую часовню, богато украшенную гардинами и коврами. В ней она не задержалась, а юркнула за драпировку и тихо открыла дверь. За дверью оказался маленький тёмный коридор, заканчивающийся такой же дверцей. В темноте она налетела на Пури, которая шла перед ней по этому же пути. Пури от природы была полновата, передвигалась степенно и не торопясь. Нати, наоборот, вечно куда-то торопилась, поэтому ее столкновения с Пури были обычным явлением. Вместе они вошли в небольшую комнату, сплошь увешанную коврами и тяжёлыми тканями. Звякнул колокольчик. На его звук из кабинета, который располагался по соседству, вышла женщина с приятными чертами лица и властным взглядом, с причудливыми серьгами в ушах и браслетами с драгоценными камнями на руках.

— О, моя Госпожа, — начала Пури, сложив на груди пухлые руки с миловидными складками и ямочками, — я не смогла выполнить ваше поручение: сёстры Инма и Кончи немы как рыбы, когда речь заходит об их планах на будущее.

— О, моя Госпожа, — продолжила Нати, — я также не добилась успеха. Ваше предположение о том, что Тереза будет стараться приблизиться к Его Светлости, не находит подтверждений. За это время они ни разу не встречались. Я слышала, что она сказала, что будет ждать столько, сколько нужно, но не сказала, что именно она собирается ждать.

— Тереза слишком хитра. Думаю, она не делится своими планами даже с сёстрами, предполагая, что эти пустышки могут всё разболтать. Подговорите их на вечеринку, как при дворе нашего лучезарного короля Карла Первого, когда дамы пьют вино наравне с благородными идальго.

— Но Тереза и сёстры могут отказаться пить?

— При дворе, если дама отказывается пить, ей говорят, что вино — это не питье, а причастие. Отказываясь от кубка, она тем самым отказывается от крови, пролитой Спасителем. После таких аргументов все дамы соглашались причаститься, — с этими словами женщина, покачивая причудливыми серьгами, вышла из тайной комнаты.

Пока во дворце епископа происходили эти события, падре Альфонсо пребывал в некотором затруднении, связанном с разгадыванием одного непонятного явления. Надо сказать, что священник очень не любил головоломок. Его мироощущение строилось на том, что есть Бог, который разумно и верно организует жизнь грешников, пока они на земле, и не менее разумно и верно устраивает их души, когда настает соответствующий момент.

Он хорошо знал свою службу, гонял и наставлял послушников, держал в порядке церковную утварь, не ленился положить на разведённую известь, выпавший из стены храма камень.

Перед большими праздниками, засучив рукава и подоткнув сутану, он лично влажной тряпичкой протирал пыль и грязь с массивной статуи Пресвятой Богородицы, занимавшей левую часть алтарного помещения. Не торопясь он собирал подмостки, на которые осторожно взбирался, и протирал сначала лицо Девы Марии, затем лик юного Христа, сидящего у неё на руках, затем — остальные части скульптуры. Последнее, до чего доходили его руки, был деревянный ящик для пожертвований, прикреплённый кожаными ремнями к ноге Богородицы, и в который помолившись миряне, приподняв его тяжёлую крышку, опускали мавереди.

Во время службы звук хлопающей крышки сладостной мелодией доносился до ушей падре, но он, верный своему долгу, ни разу не сбился с чтения строчек в книге, ни разу не запнулся при пении, растягивая слоги псалмов. Он просто про себя считал: один, два, три... пять, шесть, семь. Это означало, что как минимум семь монет должно находиться в ящике, а если чья-то дарующая рука положила сразу две или три монеты, то улов был ещё большим.

Всё было просто и понятно. Жизнь текла размеренным образом, новый день давал новую пищу и маленькие радости, как вдруг он обнаружил несоответствие между хлопаньем крышки и количеством оставшихся монет. Сначала Альфонсо подумал, что стал жертвой воришки, который, в силу представлений священника о разумности, тоже был творением Божиим и следовал своему грешному промыслу, поэтому к разовым проявлениям воровства падре был готов, и на такой случай у него даже была заготовлена отдельная молитва, начинавшаяся со слов: «Да оторвут филистимляне правую руку покусившемуся на святое...», но на следующий день крышка хлопнула три раза, а в ящике оказалась всего одна монета.

Это была загадка. Привыкший не откладывать срочные дела надолго, падре Альфонсо прочитал молитву, закончив её просьбой к Богу устранить имеющееся несоответствие и наказать виновного. Поначалу ему показалось, что Бог внял его мольбам: звонарь Педро ни с того ни с сего свалился с колокольни, хотя до упомянутого дня ему ни разу не удавалось совершить подобное. Однако в день праздничного богослужения, когда Педро уже не мог никуда ходить,

а новый звонарь ещё не приступил к своим обязанностям, крышка хлопнула двадцать три раза, а внутри оказалось девятнадцать монет. Это было неразумно и неверно...

Глава XI

Рамон сфотографировал шкатулку на телефон и отправил фото инспектору Сегуро с вопросом, нужно ли арестовывать подозреваемых, так как у них в руках сейчас шкатулка, похожая на украденную. В ответ инспектор перезвонил и попросил Рамона переводить разговор с Зэ.

— Здравствуй, приятель, — совсем по-дружески поприветствовал Зэ инспектор. — Твои предположения подтвердились. Собака директора музея, восьмидесятикилограммовый мастиф, действительно боится темноты. Ты думаешь, что её заперли на первом этаже, а она с перепугу вынесла дверь?

— Нет, скорее, её привязали снаружи к двери, зная, в какое время будет отключено освещение, — после некоторого размышления сказал Зэ.

— Испугавшись внезапно наступившей темноты, собака дёрнулась и вырвала замок, — поддержал логическую цепочку инспектор. — Сейчас делают прочные капроновые поводки. Да, но там не к чему привязать? На двери даже не было ручки.

— Поводок пропустили через отверстия для ключей: через верхнее — вниз, затем — наружу, закрепив конец к самому поводку.

— Это сложно сделать, — заметил инспектор.

— Что именно? — не понял Зэ.

— Стоя на улице, просунуть конец капронового поводка в отверстие, попасть им в нижнюю скважину, чтобы вытащить поводок наружу.

— Если есть ключ от двери, то это не представляется невыполнимым. Директор открыла дверь, провела манипуляции с поводком, закрыла дверь и стала ждать, пока отключат свет.

— Ты думаешь, директор сама сделала это?

— Логика подсказывает, что так оно и было. Вряд ли мастиф послушался бы кого-то другого, — заключил Зэ.

— Логично, логично... Имея ключ, она взламывает при помощи собаки замок, потому что варварский способ, которым он был вырван, исключает участие в этом процессе хрупкой старой женщины. Тем самым она оказывается вне подозрений. Второй лист Устава она вырывает вместе с пластмассовыми клипсами, чтобы показать, что действовал грабитель-мужчина. А со шкатулкой дала осечку. О том, что у стеклянного ящика нет задней стенки, мог знать только работающий в музее. Обычный вор разбил бы витрину, чего уж тут миндальничать, если даже клипсы вырвал, а она пожалела музейное имущество, стоящее на инвентарном учёте, — инспектор хотел ещё что-то добавить, но не стал. — Директор музея после пережитого плохо себя чувствовала, мы её отпустили домой. Завтра я pošлю машину, чтобы вызвать на допрос.

— Простите, инспектор, я бы послал машину сегодня, но не для того, чтобы привести на допрос, а чтобы обеспечить охрану.

— Охрану?

— Сообщник получил из её рук то, что хотел — она сама уже не нужна. Её жизни угрожает опасность.

— Почему вы думаете, что она сама не спрятала экспонаты, чтобы потом, например, продать?

— Чтобы обесточить целый район, надо иметь кураж и навыки профессионального диверсанта, а такие люди не любят оставлять свидетелей, даже если речь идёт о престарелой женщине и заслуженном работнике музейной сферы.

Глава XII

где Хесус чувствует себя неудобно, странная девушка подслушивает, а Тереза молится

Хесус чувствовал себя на месте влюблённого кабальеро, который, укрывая лицо плащом, стремится незаметно добраться к дому возлюбленной. Если говорить честно, то на кабальеро он не сильно был похож. Плащ, подаренный настоятелем храма по случаю обращения в звонаря, принадлежал скорее к монашеской одежде, чем к светской. Тем курьезнее со стороны выглядел монах, который в предутренние часы крался вдоль стен кривых улочек, стараясь быстро перебежать открытые пространства, и замирал, прислушиваясь, не идёт ли навстречу ночная стража.

Он благополучно добрался до дома епископа, прошёл следующую постройку и, пользуясь тем, что смежные участки имели невысокую стену, благополучно пробрался в сад.

Хесус сразу обратил внимание на освещённые окна углового строения, которое было переделано в домовую церковь. Там продолжалась заутренняя молитва. Епископ с показным рвением посещал её только тогда, когда в резиденции у него кто-то останавливался, правильно считая, что вымотавшиеся в ходе ночного бдения гости будут отсыпаться до обеда и не вносить раздраз в неспешную и спокойную жизнь его резиденции. Затем наступала сиеста. Раскалённое солнце опять загоняло всех под крыши домов и заставляло даже против воли человеческой испытывать сонливость, расслабленность и полную апатию к вещам суетным. Таким образом, соблюдение установлений святых отцов гарантировало епископу целый день покоя, и лишь ближе к вечеру Его Преосвященству приходилось иметь дело с докучливыми просителями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.